

ТРАДИЦИЯ ПРОТИВ ИСТОРИИ В ФИЛОСОФИИ СОВРЕМЕННОГО ЕВРОПЕЙСКОГО ТРАДИЦИОНАЛИЗМА

А.И. Макаров,

*кандидат философ. наук, доцент кафедры культурологии и истории философии,
Волгоградский государственный университет*

Зарево кошмаров первой мировой войны высветлило хрупкость и опасность глобалистско-прогрессистских схем исторического процесса, разрабатывавшихся в западноевропейском рационализме на протяжении последних двухсот лет. Оптимистическо-прогрессистские настроения сменились предчувствиями катастрофы. В 1919 году Герман Гессе писал: “Уже пол-Европы, уже по меньшей мере половина Восточной Европы находится на пути к хаосу, мчится в пьяном и святом раже по краю пропасти, распевая пьяные гимны, какие пел Дмитрий Карамазов. Над этими гимнами глумится обиженный обыватель, но святой и ясновидец слушают их со слезами”¹. Нужно ли говорить, что события второй мировой войны многократно усилили эти ощущения.

Все это способствовало актуализации в европейской интеллектуальной среде идей о пагубности холистского, телеологического видения исторического процесса, которое было характерно для историзма классической немецкой философии. Философы, историки и социологи нового поколения, усмотрев в прогрессистском историзме XIX века причину самомистификации европейского Ratio, обвинили его в реализации утопий XX века. По их мнению, яд историцизма отравил сознание европейцев токсинами телеологизма, техницизма, либерального гуманизма, европоцентризма. “Новая” философия Ф.Ницше, М.Вебера, М.Хайдеггера, Т.Адорно поставила цель сформировать такой тип исторической рефлексии, который имел бы

иммунитет от глобалистского субстанциалистского историзма Нового времени.

Историческая наука XX в., следуя в фарватере этих идей (понятых, иногда, очень своеобразно) производит методологический поворот от трансцендентализма к позитивизму. Постепенно происходит эмансипация освободиться от от любой методологии, связанной с философским знанием². На этом пути возникает проблема уточнения объема понятия “историзм”, используемого разными историографическими школами. Выделяются следующие противоположные (как это кажется с первого взгляда) смыслы: историзм как норма исторического исследования и историзм как категория классической философии¹. Есть и другой смысл, сформировавшийся в рамках философии культуры: историзм как особый модус сознания, характерный для иудео-христианского культурного мировоззренческого комплекса, который включает в себя рефлексию подвижной и качественно изменчивой социальной жизни, движение которой имеет определенную целевую направленность. Именно в этом смысле понимается историзм в этой статье.

Такие понятные, — в контексте борьбы с европоцентризмом, — попытки ученых отказаться от смыслоисторического и телеологического подхода к истории таили, однако, немало угроз. Основной опасностью, как показывает анализ текстов современных историков, является скептицизм и цинизм. В историографической плоскости крайние формы этих мировоззренческих позиций представлены сциентизмом “социальной физики” и субъективизмом “беллетризированной истории” или, даже, солипсизмом

---

¹ Гессе Г. Письма по кругу. М., 1987. С. 115.

² Здесь речь идет, конечно же о представлениях; понятно, что методология истории всегда, так или иначе — позитивно или негативно, сознательно или бессознательно, — связана с определенными философскими позициями (Ср.: Межуев В.М. Философия истории и историческая наука // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 74 - 86).

¹ Возникновение термина “историзм” связано с нуждами классической немецкой философии. В результате разделения объема этого понятия, в современной научной литературе появились два термина: “историзм” (метод и норма) и “историцизм” (прогрессистская теоретическая установка).

паранаучной беллетристики². Между этими крайностями — целый ряд всевозможных модификаций³.

В ситуации кризиса смыслотеоретического отношения к истории должны были появиться критики критиков историцизма. И действительно: в первой половине XX века заявляют о себе так называемые “интегральные традиционалисты”, мыслители консервативно-фундаменталистской ориентации. Они обосновывали необходимость радикального разрыва с западноевропейской рационалистической, гуманистической традицией Нового времени и декларировали программу реставрации *традиционного* видения истории. При этом, речь шла не о философской традиции классического историзма, и не о теологической традиции иудео-христианского историзма. Традиционалисты объявляют историзм любого вида главной причиной всех бед современной европейской цивилизации, выстраивая следующую линию распространения во времени истории “этой заразы человечества”: сакрализация Истории в иудаизме и христианстве — историзм XIX в. — исторический метод всей современной историографии.

Интересно, что “правые” критики “левых” критиков историцизма, используют методы своих противников, категорически этого не признавая. Питер Слотердаjk в своем манифесте постмодернизма, точно назвал эту ситуацию приметой всей современной эпохи, когда “*лжецы называют лжецов лжецами*”⁴. Основное сходство методологических приемов критиков историзма и критиков историцизма обусловлено тем обстоятельством, что и те и другие фундируют свои теории идеей деконструкции (а по сути, — деструкции) историзма как основы всего европейского культурного комплекса. Так, авангардистский девиз “Вперед к децентризму” и

---

² Книги Фоменко, а также дискуссия московских историков вокруг них, показывают, что на интеллектуальной сцене появился последний герой “цинического” разума — абсурд.

³ Сциентизм и олитературирование как современные методологические стратегии порой настолько закамуфлированы, что создается ситуация неузнавания, требующая для идентификации историкофилософской призмы.

традиционалистский “Назад к архаизму” — две маски одного и того же явления, которое в философской литературе получило название нигилизм¹.

Историко-философское исследование нигилизма показывает, что антиисторицизм, при определенных обстоятельствах, переходит в антиисторизм в антимодернизм и антигуманизм². Кроме того, прослеживается связь методологии антимодернизма с современной антропной версией философии культуры и истории — от неофрейдизма до постструктурализма. Это, на наш взгляд, обусловлено широким распространением в западной культурфилософии романтической идеи об объективном существовании неких культурных универсалий (структур), обеспечивающих самоидентичность индивида и общества перед лицом разрушительной силы истории. Именно эта идея, вот уже более ста лет, заставляет значительную часть западноевропейской философии вращаться вокруг задачи подняться над историческим существованием, найти точку вневходимости, независимости субъекта от власти объекта. И хотя эти попытки обойтись без “большого нарратива” являются лишь еще одной историософской/идеологической формой осознания существования истории, многие современные философы и историки предпочитают рассуждать о существовании неких интеллигибельных внеисторических/надисторических структур сознания. Традиционалистская версия “выхода из истории”, интересна тем, что является образцовым примером последовательной, логичной и систематизированной модели обоснования антагонизма истории

---

⁴ П.Слотердаик называет ее эпохой “цинического разума” (См.: Sloterdijk P. Kritik der zynischen Vernunft. Bd. 1-2. Frankfurt/Main, 1986).

¹ См.: Пигалев А.И. Философский нигилизм и кризис культуры. Саратов, 1991.

² Например, в отделившейся от романтизма “философии жизни” неприятие гуманистического подхода было конкретизировано в принципах антирационализма, антитехнизма, антипрогрессизма и, наконец, — антиисторизма и антииндивидуализма. Позже, все эти принципы (в разных комбинациях) нашли своих заинтересованных сторонников в лице неомарксистов Франкфуртской школы, структуралистов, постструктуралистов, французских “новых правых”. Правда, они не все прямо называют свою позицию антигуманистической, предпочитая говорить о плюрализме “жизненных миров”, деконструкции или о так называемом “новом гуманизме”.

и культуры, или, в традиционалистской терминологии — Истории и Традиции.

Современный философский традиционализм формируется в первой четверти XX века, обретая постепенно академическую респектабельность во Франции и некоторое политическое влияние в Италии и Германии 30-х годов. Ускоренная урбанизация, индустриализация, социальные и национальные конфликты, гримасы массовой культуры породили в интеллектуальной среде континентальной Европы разнообразные оборонительные идеологии, которые их сторонники предлагали как панацею от ужасов современного мира. Заимствовав у романтиков отношение к традиции как к средству устранения мировой дисгармонии, традиционалисты, отметили романтическую идею о плюрализме субстанциальных основ традиций и поставили задачу сведения многообразия исторических традиций к некоему примордиальному единству. Этот фундаменталистский подход формировался в русле модных в то время “герменевтической онтологии” и “религиозного ренессанса”.

По мнению многих консервативных мыслителей того времени, современному сознанию, ввергнутому в “абсурд релятивизма, атеизма и демократизма”, необходимо было вернуть твердую религиозную основу для полагания целей, смыслов, ценностей индивидуального человеческого существования и совокупной человеческой жизнедеятельности. Поиски абсолютных оснований культуры велись, конечно же, не только консерваторами, но именно они указали на тесную связь этой проблемы с темой противостояния цивилизации и культуры. Введенное энциклопедистами понятие “цивилизация” обслуживало просвещенческо-европоцентристский вариант идей прогресса, эволюции и универсализма. С кризисом просветительской модели культуры этот термин хотя, и не утратил своего значения, но оброс многочисленными негативными коннотациями.

Традиционалисты акцентировали внимание на таких аспектах этого термина как сциентизм, атеизм, рационализм. При этом они представили оппозицию *цивилизация-культура* в виде антагонистического противоречия современной урбанистической культуры и традиционных религиозных форм. “Настало время, — пишет Рене Генон, — показать, что в религии есть нечто помимо сентиментального обожания, нечто помимо моральных предписаний или утешений для тех, чей дух ослаблен страданием; что в ней можно найти “твердую пищу”, о которой говорит апостол Павел в *Послании к евреям*”¹.

Истоки рационализма и историзма, секуляризовавших западную культуру, Генон видит в классическом и иудео-христианском вариантах гуманизма. Гуманизм — это сведение всего к “чисто человеческим пропорциям”, попытка “отвернуться от Неба под предлогом покорения земли”². Принцип гуманизма влечет за собой отрицание какого-либо духовного уровня, подмену категории “духа” понятиями “разум”, “сознание”, “ментальность”, “психика”, — что в совокупности составляет “джентльменский набор” современного теоретического мышления. Школьная греческая, а вслед за ней возрожденческая и нововременная философия рационализировали мифологический (“символический”) язык, изолировав, таким образом, разум от некоего сверхъестественного источника (“чистого, трансцендентного и сверхиндивидуального интеллекта”). Другими словами, секулярные формы мысли, “убив ангелическое в человеке”, безосновательно обожествовали в нем “инфрачеловеческое” — рассудок, чувственность, психику, телесность. Христиане, — констатирует Генон, — к сожалению, так же не остались в стороне от этих процессов: после разгрома ордена тамплиеров в начале XIV в., в католической теологии возобладала порочная тенденция к экзотеричности учения. Это привело к описанным выше процессам “оскудения человеческого интеллекта и утраты истинно интеллектуальной эзотерической элиты”.

---

¹Генон Р. Реформа современного сознания//Он же. Символы священной науки. М.,1997.С. 33.

²Генон Р. Кризис современного мира. М., 1991. С. 24.

Обвинение современных христиан в морализаторстве и сентиментализме вызвало полемику между Р.Геноном и Ж.Маритеном, Л.Доде и А.Массисом. Неотомисты отвергли идеи, лежащие в основе традиционалистских рассуждений о гуманизме, так как стала очевидной их неоязыческая природа. Они восходят к сложной форме религиозного дуализма, которая возникла в рамках диалектической традиции гностицизма. Эта традиция впитала в себя и переработала два типа существующих до нее дуалистических концепций гнозиса — эсхатологическую (зороастризм, манихейство) и диалектическую (платонизм). Это — так называемый “гностический дуализм”. Его орфико-платоническая теория бытия, подтверждая конечное исчезновение и уничтожение зла с окончательной деструкцией материального мира, таким образом, охватывает оба дуализма — диалектический и эсхатологический. Из текстов Генона и Элиаде эта гностическая концепция перекочевала в современную неоязычески ориентированную философию А. де Бенуа, П.Шоню, Ж.Бержье. Французские “новые правые” выдвинули свою программу выработки основ несовременной методологии, — программу “выращивания сверхчеловека”¹. Для этого они обратились к творчеству М.Элиаде, который называет свой вариант теоретического антигуманизма “новым гуманизмом”. “Новый гуманизм” репрезентируется ими как неоязыческая перспектива выхода из кризиса современной культуры. Этот прорыв в новый тип рациональности, названный Элиаде “архаической онтологией”, по сути является изящным вариантом дегуманизации культуры по типу ницшеанской деконструкции христианских основ европейской культуры.

Фундаментом “нового гуманизма” М.Элиаде, антигуманизма Р.Генона и “неоязыческого гуманизма” А. де Бенуа является программа ремифологизации (“дерационализации”) и деисторизации (“деиудеизации”) самосознания современного европейского человека. Целью этих процессов

---

¹ См., например, Benoist A. de. Les idées à l'endroit. P., 1979; Benoist A. de. Comment peuton

санации сознания провозглашается создание некоего ”нового архаического социального порядка”. Это парадоксальное понятие сродни такому важному традиционалистскому термину как “консервативная революция”. Оба они обозначают процесс регрессивного движения истории, в результате которого в европейской культуре должен быть восстановлен традиционный (восточный, религиозный) порядок, основанный на иерархическом подчинении народных масс некой интеллектуальной элите традиционалистов. Генонисты и “новые правые” предполагают применение своих программ в субкультурных сообществах. Эти сообщества должны объединить неких “ангелоподобных сверхчеловеков”¹. На поверку эти “сверхчеловеки” оказываются кружками снобистски или озлобленно настроенных интеллектуалов.

Возникшие в XX в. психоаналитические, антропологические, структуралистские методы осмысления социально-исторической реальности расшатали прежние представления о социальном и историческом факте. Воспользовавшись этим, традиционалисты заговорили о неспособности современной европейской науки создать представление об объективности и связанности исторического процесса. Эти выводы опирались на следующие аргументы: история современных историков, утратив всякий смысл и цель, превратилась в труп, который, в конце концов, погребет под собой какой-бы то ни был смысл исторических исследований; потеряв свою смысловую компоненту, историография неизбежно превратится в игру досужего воображения, а ее проблемное поле — в набор псевдопроблемных тем или сюжетов; для гальванизации трупа истории будут привлечены эстетические средства. Попытки же сциентистов сохранить верифицируемость исторического знания с помощью количественных, естественнонаучных методов приведут к сходному результату — абсурдной физикализации

être païen? P., 1981.

истории, характеризуемой прогрессирующей атомизацией проблемного и предметного поля историографии. Говоря метафорически (а метафоризация — один из приемов традиционализма), олитературивание истории — это попытка наложить макияж на гниющий организм европейского мифа об истории, а современные модификации “социальной физики” — это попытки смазать сконструированный позитивистами ржавеющий механизм истории.

Со своей стороны, традиционалисты поставили цель обнаружить субстанцию исторического процесса. Понятно, что это нужно было как-то совместить с установкой на неприятие историзма. Решение этой парадоксальной задачи они искали на пути возвращения в историческую науку трансцендентализма и принципа тождества. ”Опору на Традицию, — писал итальянский традиционалист Юлиус Эвола, — следует искать не во внешних позитивных и упорядоченных формах цивилизации, которая некогда возникла как историческая реализация основ этой Традиции, но из самой Традиционной Доктрины, взятой в ее чистом виде, превосходящем все возможные формы ее конкретного исторического проявления и предшествующим им”². Понятия “чистота” и “нечистота” имеют для гносеологии традиционализма принципиальное значение: с их помощью тематизируется проблема очищения разума, поставленная еще философией Просвещения, с той лишь разницей, что просвещенцы ставили вопрос об очищении разума от мифов, а традиционалисты — об очищении интеллекта от логоцентрической установки, препятствующей актуализации архитипических структур сознания, по сути являющихся мифологическими, — как на это прямо указывал румынский традиционалист Мирча Элиаде¹.

---

¹ Существует даже специальная “научная” дисциплина — “ангелология”: См., например, Дугин А. Бремя ангелов // Милый ангел: Метафизика. Традиция. Эзотеризм. Инициация. Символизм. Эсхатология. Сакральная география. Традиционные науки. М., 1996. Т. II. С.5 - 8.

² Эвола Ю. Оседлать тигра // Элементы. Евразийское обозрение. 1993. № 3. С. 6.

¹ См.: Eliade M. Foreward // Allen D. Structure and Creativity in Religion. Hermeneutics in Mircea Eliade`s Phenomenology and New Directions. 1978. P.VI I - VIII; Элиаде М.. Мифы, сновидения, мистерии. М., 1996. С. 23 - 32.

По мнению Р.Генона и М.Элиаде, поиск истинной традиции, способной вернуть расколотому рационализмом европейскому сознанию единство ментального и духовного, сопряжен с возрождением таких структур сознания, которые были присущи интеллекту человека в доисторический период. С проникновением в мир идеи истории (агентами которой являются “люди Запада”: греки и евреи), эти структуры постепенно затемнялись; и в настоящее время переродились в свою противоположность — не структурированные психические и ментальные реакции. Это состояние обозначается ими как “современный мир”.

Программа выхода из этого состояния сопряжена с идеей “возвращения к истокам бытия” через деконструкцию современного мышления и социокультурной системы Запада. Способность к такого рода операциям не является делом индивидуального мышления, — необходимо получить некое тайное знание принципов универсальной Традиции. Делается это только через “духовное влияние”, исходящее из “инициатических” центров, имеющих очень древнее происхождение. Эти центры в символическом и в прямом смысле помещаются на Востоке, тогда как противостоящие им центры “контр-инициации” находятся на Западе. Эти были достаточно распространенные в оккультных кружках Европы идеи². Примененные философами традиционалистской ориентации методы — архаизации и мистификации, — заставили традиционализм балансировать на грани между научной и паранаучной сферами мысли.

Традиционалисты, испытав влияние романтической, органической школ, фрейдизма и структурализма, постарались интегрировать их методы для сепарирования фактов истории с целью выявить систему и механизмы овнешнения историей неких самотождественных принципов Традиции. При этом они наделили историю антисакральным статусом. Другими словами, традиция сакрализуется в традиционализме за счет десакрализации истории.

Генон пишет об этом как о процессе сепарции тех событий культуры человечества, которые указывают (символически) на вневременной, внеисторический характер бытия. Понятно, что процедуры выбора *событий универсальной Культуры* и объединения их в историософскую систему производят сами традиционалисты, причем их взгляды на событийный ряд истории культуры разнятся настолько, что это постоянно заставляет их перемеживаться поле так называемого “интегрального традиционализма”.

Понятия “мировая (всеобщая) истории” распадается в традиционализме на две самостоятельные и обособленные области смыслов: *историю* в традиционной для историзма трактовке и *историю культуры*, трактуемую как история неких примордиальных универсалий, — что в прочем, вполне согласуется с попытками европейской философии выделить из содержания понятия “мировая история” самостоятельные концепты “культура” и “цивилизация”. В традиционалистской концепции истории получает развитие тенденция противопоставления цивилизации и культуры, поэтому, в частности, оказывается, что провиденциальная сила истории имеет манихейски двойственный характер, разделяясь на злую и добрую силы. В генонизме эти силы не только онтологизируются, но и, в соответствии с гностическим дуалистическим подходом, им придается антропологическое измерение. Так к светлым силам в книгах Р.Генона и М.Элиаде относятся “люди традиции”: брахманы, йогины, тантристы, пифагорейцы, даосисты, герметисты, каббалисты, тамплиеры, суфии — представляющие мировую традиционалистскую элиту. Темные силы представляет “контр-элита”: протестанты, сциентисты, оккультисты, Декарт, психоаналитики, демократы, феминистки. В отдельных эпизодах Генон максимально усиливает одиозный характер деструктивных сил, называя их “святыми Сатаны”, которые управляют миром из неких “центров контр-инициации”.

---

² См.: Гундрик-Кларк Н. Оккультные корни нацизма. Тайные арийские культы и их влияние на нацистскую идеологию. Спб., 1995.

На первый взгляд, это учение оперирует совершенно фантастическими картинками проникновения в мир, начиная с Нового времени, разрушительных сил: “... при приближении конца цикла будут проникать все опустошающие орды Гога и Магога (в индуистской традиции это демоны Кока и Викока (Koka & Vikoка), имена которых, очевидно, похожи), которые, впрочем, делают постоянные усилия, чтобы заполнить наш мир; эти “сущности”, представляющие собой низшие влияния, о которых идет речь и которые сегодня считаются ведущими “подземное” существование, описываются одновременно и как гиганты и как карлики /.../ по существу, речь здесь идет о том же самом порядке “инфрателесных” тонких влияний”¹.

При детальном знакомстве с философией традиционализма становится ясно, что эти фантастические образы не факультативны для этой философской системы (хотя, например, Мирчей Элиаде они всегда подаются только как повествование о мифологических образах), а также не являются издержками популяризаторства или выражением индивидуального стиля автора. Тропы, эмоциональные риторические фигуры, метафоры представляет из себя необходимое звено, связывающее две формы концептуализации смыслоисторической проблематики — наукообразную, ориентируемую на ученого читателя и мистификаторскую, позиционируемую на рынке массовой культуры. Стиль метафизических и герменевтических работ традиционалистов способен увлечь самые широкие слои читателей — от интеллектуалов консервативной и авангардистской ориентации до инфантилов, падких на иллюстрации в стиле “фэнтази”.

Традиционалистские тексты, в жанровом отношении, напоминают средневековую мистерию, сквозным сюжетом которой является борьба между темными и светлыми силами. Это является выражением специфического традиционалистского символического метода или “метода аналогий”. С помощью него синтезируются гетерогенные научные и

---

¹ Генон Р. Царство количества и знаменья времени. М., 1994. С. 179.

паранаучные теории. Этот синтез призван служить фундаментом для грандиозного и вдохновляющего идеологического текста, адресованного обеспокоенному современной культурной ситуацией читателю. Стиль текста, изоморфный предмету повествования — мифу, поражает читателя грандиозностью поставленной задачи — найти закономерности, цель и смысл исторического процесса.

Концепция антимодернизма и антигуманизма, как любая теория социально-философской доктрины, вольно или невольно создавалась в расчете на определенного адресата. Этим адресатом был и остается нигилистически ориентированный субъект. Поэтому, всплески интереса к идеям, питающим антигуманизм совпадают с периодами смены эпох, когда активизируется так называемый “цинический разум” (П.Слотердаjk). Это происходит, когда модернизационные процессы крайне обостряют *вопрос о соотношении ограниченности человеческого существа с запредельностью целей его стремлений*. Теоретический антигуманизм — это нигилистическая альтернатива той современной европейской философии и теории истории, которая берет свои истоки в христианской теологии истории с присущей ей провиденциалистски-эсхатологической перспективой.